

Александра Никитична Анненская

Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность

Александра Никитична Анненская Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность Серия «Жизнь замечательных людей»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175430*

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839 – 1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Анненская Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. Н. Анненской

*С портретом Бальзака, гравированным в
Лейпциге Геданом*

Введение

В первой половине XIX века роман очень быстро завоевал себе одно из самых почетных мест в литературе Франции. Представители господствовавшей в то время романтической школы видели в нем удобную форму для воплощения в художественных образах своих идеалов, своих взглядов на искусство, на жизнь, на чувство. Виктор Гюго наряду с поэмами и драмами писал «Собор Парижской Богоматери» и «Ган-исландец», Жорж Санд обратила на себя общее внимание своими «Валентиной», «Индианой», «Лелией» и целой серией талантливых романов, Бейль (Стендаль), Теофиль Готье, Сент-Бёв, Жюль Жанен и менее видные представители романтизма привлекали массу читателей своими беллетристическими произведениями.

Рядом с этими «идейными» романами возникает роман-фельетон, «сенсационный» роман, рассчитанный на внешний интерес, привлекающий читателя запутанностью фабулы, неожиданностью развязки. «Монте-Кристо» и «Три мушкетера» Дюма приводят в восторг не особенно требовательную публику. Сулье, П. Феваль и другие наводняют книжный рынок самыми невероятными историями.

Рядом с романами тенденциозными и «сенсационными» появились первые зачатки романа натуралистического, – романа, ставившего себе задачей не поучать читателя, не ри-

совать ему идеалы, а просто изображать действительность. Отцом натуралистического романа считается по праву Бальзак, хотя он и не вполне отрешился в своих произведениях от влияния романтической школы. Первые романы его, подписанные большей частью псевдонимами, являются неудачными подражаниями Вальтеру Скотту, фабула «Шагреновой кожи» напоминает своей фантастичностью Гофмана, «Серафима» проникнута романическим мистицизмом. Богатая фантазия автора не редко отвлекала его от трезвого наблюдения реальной жизни и уносила то в мир грез, то в туманы им самим придуманной философии и психологии.

Трудно найти писателя более разнообразного в своей литературной деятельности, чем Бальзак. Кроме романов, он писал драмы, комедии, критические статьи, фельетонные заметки, политические памфлеты, ученые и философские трактаты. Но из всех этих родов литературы один только роман создал ему славу. Как драматург он слаб и вял; как критик он часто увлекается личными симпатиями и антипатиями; как политик он защищает легитимистскую монархию и сильную власть церкви; он ставит произвол выше закона, так как «закон – это паутина, через которую свободно проходят большие мухи и в которой остаются только маленькие»; как философ он туманен, не придерживается никакой определенной системы, является то мистиком и спиритом, то грубым материалистом. Все философские и научные обобщения, которыми испещрены его романы, – это по большей

части произвольные и скороспелые выводы из недостаточно наблюдаемых фактов. Сам себя он считал глубоким мыслителем, но это заблуждение: его сила заключалась не в выводе, не в обобщении, а в изображении отдельных фактов, мелких подробностей, из которых сама собою слагалась полная картина. Подходя к какому бы то ни было жизненному явлению, он не преклонялся перед его красотой, не отворачивался от его безобразия, как романтики, а присматривался к нему спокойно, объективно, без восторга и без отвращения, стараясь угадать причины, породившие его, среду, обусловившую его существование. Чисты или грязны, изящны или безобразны описываемые им предметы, для него безразлично; жаба интересует его столько же, сколько бабочка, коршуном он занимается охотнее, чем голубкой. «Я не сочиняю человеческую природу, я ее наблюдаю в ее прошлом и настоящем. Я изображаю людей не такими, какими они должны быть, а такими, какими они на самом деле бывают», – говорил сам про себя Бальзак. Такое наблюдение и такое воспроизведение наблюдаемого требовало бы кропотливой работы ученого, который медленно исследует факт за фактом, прежде чем решится на обобщение или объяснение их. Но воображение и творческая сила настолько преобладали в натуре Бальзака, что не допускали такой кропотливости. Он, несомненно, рисовал действительность, но так, как эта действительность отражалась в его собственном мозгу. Очень небольшого количества наблюдаемых фактов было

для него достаточно, чтобы воссоздать целое явление. «Самая маленькая подробность давала ему возможность восстановить целый организм, целый класс общества», – говорит про него П. Бурже; в этом он похож на Кювье, который по одной кости, по одному зубу мог воспроизвести целый погибший вид животного. Он сознавал в себе эту способность и называл ее *pénétration retrospective*¹.

«У меня, – говорит он сам, – с детства наблюдение стало интуицией: оно давало мне возможность жить жизнью того человека, которым я был занят, позволяло мне вполне становиться на его место, как тому дервишу из „Тысячи и одной ночи“, который принимал душу и тело человека, подвергавшегося его заклятию».

Как Золя в своих романах дает нам яркую картину французского общества, созданного Второй империей, так в произведениях Бальзака мы видим отражение буржуазной монархии Луи-Филиппа. Торжество капиталистической промышленности, стремление к быстрой наживе, беззастенчивая спекуляция и скептически-индифферентное отношение ко всему, что не касается материальной выгоды, – вот основные черты времени и вот основная тема романов Бальзака. Деньги – главный рычаг жизни большинства выводимых им действующих лиц. Он представляет нам молодых людей, стремящихся в Париж, чтобы разбогатеть, и не брезгующих для этой цели никакими средствами; почтенных от-

¹ ретроспективное проникновение (*фр.*)

цов семейства, пускающихся в самые двусмысленные предприятия; скряг, дрожащих над накопленным золотом; добродетельных женщин, готовых отдаться развратникам, чтобы устроить денежные дела семьи; невинных девушек, мечтающих о шелках и брильянтах, в которые их оденут избранники их сердца. В его романах перед нашими глазами проходит длинная вереница банкиров, спекулянтов, ростовщиков, маклеров, поверенных, продавцов, торгующих всем, не исключая своей и чужой чести; он беспрестанно говорит о разных финансовых и коммерческих предприятиях, о промышленных изобретениях и биржевых спекуляциях, о подложных векселях и мошеннических сделках. Он, по остроумному замечанию Тэна, «ввел торговые дела в область поэзии». Его герои ведут отчаянную борьбу за наследство или за приданое, банкротятся, разоряются, обогащаются, причем автор подробно описывает, каким путем шло это обогащение, и с интересом следит за ростом миллионов в руках какого-нибудь Гранде или Гобсека.

Мир наживы есть в то же время мир черствого эгоизма. В нем нечего искать самоотвержения, стремления к идеалу, бескорыстного служения истине или человечеству. И герои Бальзака не знают ничего подобного: они любят – но это по большей части чисто физическая любовь, стремящаяся к обладанию любимым предметом; они занимаются поэзией, наукой, литературой, но лишь настолько, насколько это нужно для приобретения денег или положения в обществе; они

жертвуют собой ради семьи, но опять-таки главным образом ради материального обеспечения семьи.

Бальзака упрекали в безнравственности за то, что в его романах изображена темная сторона, изнанка и даже грязная изнанка человеческой жизни, — за то, что он вводит читателя в те трущобы, где гнездятся подонки общества, что он спокойно, без криков негодования и гримас отвращения рисует и наглый порок, и низкое лицемерие, и животную страсть. Такое обвинение, конечно, несправедливо: раз писатель поставил себе задачей изображать жизнь не такою, какою она должна быть, а такою, как она есть на самом деле, нельзя обвинять его за преобладание в его описаниях зла над добром, за всю ту массу грязи, подлости и грубости, которая будет заполнять эти описания. Нельзя винить зеркало, если отражающееся в нем лицо безобразно. Художник имеет полное право рисовать дурные и низкие стороны человеческой природы, смелой рукой срывать покровы со всех нравственных язв общественного организма. Он виноват только в том случае, если слишком сгущает краски в некоторых частях своей картины и тем лишает ее правильной перспективы. Бальзак не вполне чист от этого греха: его пошляки слишком легко доходят до последних пределов негодяйства, его злодеи часто являются настоящими чудовищами; он сам признается, что склонен «идеализировать» зло и порок. Такая «идеализация» есть несомненно грех против художественной правды, но не против нравственности. Если можно за что-нибудь

упрекнуть Бальзака, так это за то, что он принимает слишком близко к сердцу все перипетии в материальном положении своих героев и как талантливый писатель передает свой интерес читателю, заставляет и его сочувствовать судьбе разных рыцарей легкой наживы, приучает смотреть на приобретение богатства как на главную задачу жизни и снисходительно относиться к тем средствам, какие употребляются для этого приобретения. В обществе, где все сводится к борьбе за существование, успех все оправдывает, все обеляет, сила встречает общее уважение. И Бальзак не чужд обаяния этой силы. Представляя нам злодея, тонко рассчитывающего каждый удар, ростовщика, ловко раскидывающего свои сети, честолюбца, ни перед чем не останавливающегося для достижения своих замыслов, он наделяет каждого из них почти сверхъестественной силой характера, проницательностью, выносливостью; он ставит его до некоторой степени на пьедестал среди окружающей слабой, безвольной мелкоты; он аплодирует успеху своих героев, и читатель вместе с ним забывает, какой ценой куплен этот успех.

Поль Бурже в своих критических очерках разделяет всех романистов на две категории: на романистов, изображающих *характеры*, и на романистов, дающих картины *нравов*. Он находит, что каждая из этих категорий обладает своеобразною способностью наблюдения и рассматривает все жизненные явления с совершенно противоположной точки зрения. «Характер, — говорит он, — есть сумма тех свойств, которы-

ми человек отличается от других людей; нравы – это сумма тех свойств, которыми он походит на других. Изображать характеры – значит, рисовать выдающиеся личности, изображать нравы – значит, рисовать людей средних». – «Может быть, – прибавляет он в заключение своего рассуждения, – высшее искусство состоит в том, чтобы уподобляться плодотворной природе, которая производит в одно и то же время группы людей, сходных между собою, и исключительных гениев». С этой точки зрения можно сказать, что Бальзак достиг высшей степени искусства, так как романы его представляют нам, с одной стороны, картины нравов самых разнообразных общественных групп, с другой – резко очерченные типы людей выдающихся, поглощенных какой-либо одной страстью, одним чувством.

Он вводит нас в аристократические салоны и знакомит с выродившимися представителями древних родов; точно так же – в кабинет министра и показывает, какие делишки обделываются под покровом административных мероприятий; в конторы всевозможных дельцов, начиная со всесильного банкира до низкопоклонствующего ростовщика; в редакцию влиятельного журнала и маленькой газетки, торгующих печатным словом и развращающих как сотрудников, так и читателей; наконец – в избу крестьянина тупого, жадного, корыстолюбивого, не возвышающегося над чисто животными инстинктами. Он изображает нам жизнь Парижа – беспокойную, суетливую, неустойчивую, открывающую широкое поле

для всевозможных честолюбий, и жизнь провинции – скучную, однообразную, с мелочными интересами, сплетнями, интригами, закоренелыми предрассудками и узкими взглядами. И всюду, во всех этих разнообразных сферах двигаются, чувствуют и страдают массы фигур мелких, плоских, малозаметных единиц, сумма которых составляет известный класс общества, известное сословие. А на их фоне выступают более яркие личности, «характеры», отличающиеся от толпы более сильным умом, а главное, более сильными аппетитами, более страстной натурой. Бальзак дал нам целую галерею таких личностей. Стоит вспомнить его Гранде – скрягу, все душевные силы которого сосредоточены на одном – на любви к деньгам, который говорит дочери: «Девушка может отдать мужчине все, кроме своего золота», и который, даже умирая, силится стащить золотой крест из рук благословляющего его священника; Гюло, жертву другой страсти – женолюбия, ради которой он проматывает имение, теряет честь, уважение друзей и собственных детей, убивает верную, преданную жену и 70-летним, дряхлым стариком женится на своей глупой, толстой служанке; Филиппа Брида, грубого циника, не останавливающегося ни перед чем для достижения своих целей; Горио – этого фанатика отцовской любви; Класа, мономана-ученого; Миноре, добродетельного врача; и наконец – Вотрена, появляющегося в нескольких романах Бальзака. Это беглый каторжник, отрицающий всякую условную мораль, всякую установленную нравствен-

ность, спокойно совершающий преступления и в то же время обладающий удивительно проницательным умом, обаятельно действующий на окружающих и способный к самой беззаветной привязанности, – фигура, не укладывающаяся в рамки реального романа, выходец из мира романтиков. Заслуга Бальзака при описании всех этих личностей состоит в том, что он почти всегда дает нам ключ к пониманию их; он заставляет нас присутствовать при зарождении и развитии их страсти или их зверского инстинкта; мы вместе с ним наблюдаем за постепенным извращением человеческой души под влиянием одного всепоглощающего чувства.

Бальзак считается знатоком женского сердца, поклонником женщины. Действительно, романы его дают нам длинный ряд женских портретов, начиная с невинной девушки, впервые открывающей свое сердце чистой любви, и до продажной развратницы, не знающей ни совести, ни стыда. Главное содержание жизни всех его женщин – это любовь, любовь почти всегда несчастная. Девушка отдает все свое сердце красивому юноше, он оказывается негодяем и обманывает ее; она выходит замуж, она верная, преданная жена, муж или мучит ее своим грубым деспотизмом, или изменяет ей с первой встречной кокеткой. Под влиянием непреодолимой потребности любить она отдается любовнику, окружавшему ее страстным поклонением: он или легкомысленно играет ее чувством или, воспользовавшись ею для своих эгоистических целей, бросает ее; она мужественно борется

против своего чувства, она до конца жизни сохраняет верность мужу и семье и умирает в страшных мучениях, сознавая, что не умела жить, что приносила бесполезные жертвы. И всегда, во всех несчастьях женщины виноват мужчина: он груб, деспотичен или легкомыслен, он не понимает тонкой женской организации, он не может допустить умственного или нравственного превосходства женщины над собою. Если женщина изменяет мужу – вина его, не сумевшего дать ей счастья, или общественных условий, допускающих брак невинной девушки с нелюбимым человеком. Если она меняет любовников – это опять-таки их вина: они так пошлы, что не могут надолго привязать к себе женщину. Если она забывает свою первую, возвышенную любовь и отдается второй и третьей – это физиологическая потребность «богато одаренной» натуры. В прошлом каждой кокетки («куртизанки», как их называл Бальзак) есть мужчина, толкнувший ее на гибель, причина ее первого падения. Бальзак редко занимается молодыми девушками; они в его романах выходят бледными, пассивными; его героиня – женщина лет 30-40, пережившая первые увлечения и первые разочарования. Он с особенной яркостью описывает чувства и страдания женщины именно в тот период ее жизни, когда на лице ее появляются первые признаки отлетающей молодости, когда она с жадностью стремится воспользоваться последними оставшимися ей годами *женской* жизни. Бальзак – снисходительный судья всех женских слабостей и увлечений, но уважения

к женщине у него очень мало. Стоит прочесть его «Физиологию брака», чтобы увидеть, какое место в природе он отводит женщине, какие искусственные меры он предписывает для сохранения ее чистоты. Нравственные устои, твердые принципы, высшие стремления чужды его женщинам почти настолько же, насколько и его мужчинам. В его женской галерее больше добродетельных типов, чем в мужской, но и в той, и в другой типы эти плохо удаются ему, выходят или слишком бледными и пассивными, или ходульными. В его добродетельных женщинах гораздо меньше жизни и выразительности, чем в его порочных г-жах Камизо, Марнеф де Рошфид и пр., и пр.

Романы Бальзака приобретают особенный смысл вследствие того, что он соединил их в одно целое, связал между собою. Во всех них действуют одни и те же лица, каждый из них представляет часть общей картины, один акт огромной «Человеческой комедии». Благодаря этому читатель имеет возможность полного знакомства с его героями, узнает их происхождение, их родину, обстоятельства, определившие склад их характера. Сам Бальзак придавал громадное значение этому объединению своих произведений. В предисловии к своей «Комедии» он объясняет общий план, положенный им в основу его романов.

«Идея написать „Человеческую комедию“, – говорит он, – пришла мне в голову, когда я сравнил человечество с миром животных. Животные, по мнению Жоффруа Сент-Иле-

ра, созданы по однообразному типу и развиваются различно в зависимости от той среды, в какую попадают. Вся разница родов и видов зависит от условий этой среды. Я вполне разделяю эту мысль, и еще раньше спора между Жоффруа С.-Илером и Кювье я открыл, что человеческое общество подчиняется тому же закону. То, что верно для мира материального, одинаково верно и для мира социального; в нравственном отношении люди изменяются вследствие причин, аналогичных с теми, которые вызывают физические изменения, и образуют резко различающиеся между собою общественные разновидности, создаваемые воспитанием, семьей и данным направлением. Кошка, волк и лев не более различны между собой, чем ремесленник, дворянин, священник. Бюффон пытался представить в одной книге все животное царство; разве нельзя сделать того же для человеческого общества? Но природа положила между видами животных грани, в которых не могут удержаться виды социальные. Во-первых, в обществе рядом с мужчиной стоит женщина, и потому социальных видов получается вдвое больше, чем животных. Наконец, среди животных нет тех скрещиваний и смещений, которые существуют среди людей. Жизнь животных проста, у них нет ни домашней обстановки, ни искусств, ни наук, между тем как человек выражает свой нрав, свою мысль, свою жизнь во всем, чем пользуется для удовлетворения своих потребностей. Кроме того, обычаи, одежда, язык отдельных социальных видов меняются сообразно с требо-

ваниями времени и ходом цивилизации. Итак, мне предстоит тройная задача: изобразить, во-первых, мужчину с его интеллектом, его страстями и тенденциями; во-вторых, – женщину, которая вследствие присущих ей интересов образует особый класс; наконец, – вещи, материальное выражение мысли, жизни. Мне предстоит найти смысл разных социальных явлений, выяснить тайное значение всего этого сплетения лиц, страстей и событий. Я должен определить, в чем социальные группы отдалялись, в чем они приближались к вечному закону, к истине и красоте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.